

ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ

С.А. Королёв

ДВУСМЫСЛЕННОСТЬ ИСТОРИИ: ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В РОССИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ВЛАСТИ

Аннотация. В статье рассматривается специфика протекания фундаментальных исторических процессов в России – модернизации, колонизации, глобализации. Автор подчеркивает, что эти процессы имеют весьма сложную структуру – не только в том смысле, что представляют собой констелляцию множества элементов, но и потому, что они включают в себя целый ряд разнонаправленных векторов. В соответствии с этой презумпцией анализируется единый симбиотический процесс модернизации/демодернизации; процесс деколонизации как неизбежное порождение того типа колонизации, который на протяжении веков доминировал в России; а также противоречия процесса глобализации, прежде всего, с точки зрения асинхронности экономической и социокультурной его составляющих.

Ключевые слова: философия, многовекторность, модернизация, демодернизация, архаизация, колонизация, деколонизация, глобализация, власть, технологии власти.

Рассматривая фундаментальные исторические процессы, такие, как **модернизация, колонизация и глобализация**, исследователи чаще всего исходят из презумпции их однонаправленности, сосредотачивают свое внимание на их «тематическом», если говорить языком шахматной композиции, содержании. Процесс может идти быстро и «успешно»; он может протекать медленно и болезненно; он может вообще топтаться на месте; наконец, он может делать шаг вперед и откатываться на два шага назад. Но это всегда тот самый процесс, который мы идентифицировали, определили, переопределили, и он может быть только самим собой и ничем иным. Это процесс, развивающийся в одном историческом «коридоре», причем, в коридоре с односторонним движением, хотя и допускающем перемещение как вперед, так и назад.

Между тем все упомянутые выше процессы имеют весьма сложную структуру — не только в том смысле, что представляют собой констелляцию множества элементов, составляющих и компонентов, но и потому, что они включают в себя целый ряд разнонаправленных векторов. Одни из которых, условно говоря, направлены в сторону прогресса (или, если угодно, «прогресса»), другие — в совершенно противоположном направ-

лении. Или, если сформулировать мысль иначе, — одни из которых отражают движение процесса вперед, его развертывание, углубление, интенсификацию, а другие порождают элементы, которые по большому счету являются отрицанием этого процесса как такового.

Более того, эти разнонаправленные векторы не только действуют параллельно (я здесь говорю о хронологии), но часто они взаимообусловлены, и реализация некоего исторического содержания, неких фундаментальных смыслов, связанных с действием «прогрессистского» вектора развития, может быть осуществлено только и исключительно посредством определенного рода архаизации тех или иных сегментов социума.

И наконец, последнее вводное замечание. Речь идет о процессах, протекающих в России, в российском пространстве власти. В связи с этим имеет смысл напомнить, какой смысл автор вкладывает в понятие *пространство власти*. Имеется в виду географическое пространство, территория, *стратифицированная при помощи властных технологий*¹.

¹ Подробнее см.: Королёв С.А. Бесконечное пространство. Гео- и социографические образы власти в России. М.: Институт философии РАН, 1997.

1. Модернизация/демодернизация

В последнее время автору довелось достаточно серьезно заниматься проблематикой российской модернизации, причем на очень обширном историческом материале, начиная с XVII века, т. е. с введения военной дисциплины, создания в русской армии полков иноземного строя и церковной реформы патриарха Никона, и вплоть до первой постсоветской модернизации 1990-х годов. Модернизации, заключительным и отчасти символическим аккордом которой стал дефолт 1998 г.²

Одним из главных выводов, следующих из этих научных штудий, явилось то, что процесс модернизации в России зачастую носил симбиотический характер и, по сути, представлял собой процесс модернизации/демодернизации: преодоление технологической отсталости за счет архаизации политической сферы и системы социальных отношений.

Это, в частности, в полной мере проявилось в ходе петровской модернизации. Механизм этого процесса был весьма специфическим: технологический рост, развитие производства происходило параллельно с ужесточением властных технологий и расширением сферы существования крепостничества, т.е. сопровождалось внедрением социальной архаики, а в ходе форсированной трансформации повседневности (также проводившейся принудительно) воспроизводились достаточно «либеральные», европейского типа культурные образцы³.

В этом смысле весьма показательны то, как при Петре осуществлялось форсированное развитие промышленности, необходимое прежде всего для вооружения и перевооружения армии. Одним из знаковых, можно даже сказать, символических феноменов, порожденных и активированных

петровской модернизацией, стали *крепостные мануфактуры*. Огромное количество крестьян извлекались из деревень, отрывались, отделялись от земли, от семей и принуждались к тяжелейшему, до изнурения, труду в условиях неизмеримо худших, чем те, в которых работали крепостные крестьяне в аграрном секторе, в условиях по сути каторжных. Причем, в контексте нашего исследования важно зафиксировать, что промышленный труд на крепостной основе, который впервые появляется *по инициативе государства*, выходит за пределы аграрного сектора и становится основой российской экономики в целом также благодаря усилиям государства.

При этом следует иметь в виду предысторию вопроса. Конечно, уже с середины XVII в., т.е. со времени создания на Руси первых крупных мануфактур, значительная часть рабочих, прежде всего, вспомогательных, рекрутировалась за счет приписки к заводам крестьян целыми деревнями⁴. Во всяком случае, это было нормой для казенных предприятий. В то же время на частных, купеческих и не только купеческих мануфактурах помимо труда крепостного широко использовался труд вольнонаемный. В петровское же время мануфактурное производство, в частности, в металлургии, самой значимой с военной точки зрения отрасли, уже практически полностью опиралось на принудительный труд крепостных. Причем правительство приписывало крестьян не только к государственным, но также и к частным мануфактурам. Причиной этого было, очевидно, отсутствие в России резервов свободной рабочей силы (мы здесь абстрагируемся от таких вещей, как ментальность власти и ее представление о самой себе и отношениях с подданными). Академик Л.В. Милов констатировал, что если в первые годы строительства крупных металлургических предприятий основным резервом неквалифицированной рабочей силы был свободный наемный труд, то к двадцатым годам XVIII в. резервы свободного наемного труда были уже исчерпаны. Поэтому, как полагает историк, было вполне логичным, что в определенный момент, а именно в начале 1720-х годов, под напором требований заводоладельцев им было разрешено покупать к фабрикам и заводам крепостных крестьян, а полтора десятилетия спустя все вольнонаемные заводские работные

² Королев С.А. Модернизация и демодернизация в российской истории. Ч. I // Философия и культура. 2009. № 1; Королев С.А. Модернизация и демодернизация в российской истории. Ч. II // Философия и культура. 2009. № 2.

³ Приведу одно весьма характерное высказывание А.С. Ахиезера: «Для Петра, — пишет он, — характерно стремление выдвинуть труд в качестве человеческой ценности в протестантском духе, обращение к идее человеческого блага. Историческое значение петровских реформ заключается в том, что они были попытками, хотя и слабо отрефлексированными, в определенной степени сдвинуть культурные основы государственной политики ближе к полюсу либерализма» (Ахиезер А.С. Труды. М.: Новый хронограф, 2006. С. 107).

⁴ Панкратова А.М. Вступительная статья // Рабочее движение в России в XIX веке. Изд. 2-е, доп. Т. I. 1800-1860. Ч. I. 1800-1825. М.: Госполитиздат, 1955. С. 37.

люди были превращены государством в «вечно-отданные» к фабрикам и заводам⁵.

Иными словами, крепостная мануфактура не была случайным, побочным продуктом модернизации — модернизация в России в той парадигме, которая была избрана Петром I, и не могла быть осуществлена иначе, она не имела иных ресурсов и резервов, чем массовый принудительный труд и беспощадная эксплуатация дешевой рабочей силы.

Таким образом, петровская модернизация реализовала классическую кентаврическую модель процесса: модернизация/демомодернизация. Она повлекла за собой социальные последствия двоякого рода: несомненное ужесточение системы и всего технологического инструментария власти и некоторую европеизацию, некое продвижение в направлении если не гражданского, то, во всяком случае, более свободного, чем существовавшее в крепостнической России, общества. Но именно тренд в направлении ужесточения и архаизации был определяющим.

Аналогичным был механизм сталинской модернизации, которая привела к уничтожению крестьянства как класса и к полной деградации российской деревни. Разорение и опустошение деревни, изъятие у крестьян не только прибавочного, но и, как правило, необходимого продукта, стало одним из основных экономических и финансовых источников этого весьма специфического процесса, а разоренные, поставленные на грань или за грань голода крестьяне пополнили армию дешевой рабочей силы, людей, на плечах и на костях которых осуществлялись масштабные проекты 30-х годов. (Мы здесь абстрагируемся от чисто политических аспектов модернизации 30-х годов XX века, ставившей своей целью не только осуществление технологического и экономического рывка, но и уничтожение, дезинтеграцию класса мелких сельских хозяев, представлявших с точки зрения власти потенциальную угрозу основам так называемого социализма.)

Подобная архаизация целых сегментов социального пространства — это не «цена» модернизации и не ее «издержки». Это органическая, неотъемлемая часть процесса. То, без чего процесс модернизации не мог быть осуществлен как таковой. Точнее, это органическая часть процесса модернизации *того типа*, который был пред-

ставлен и постоянно воспроизводился в России в последние три века отечественной истории.

Важно также понимать, что российская модернизация — это не только процесс, который протекает в расколотом обществе, это также *внутренне* противоречивый процесс, который порождает и углубляет раскол и, наконец, это своеобразная попытка преодолеть этот раскол, причем по большей части вынужденная. История свидетельствует, что радикальная модернизация усугубляет раскол общества и провоцирует архаизацию. И что эта архаизация либо заложена в самом механизме модернизации (аспект, который интересует нас в первую очередь), либо проистекает из реакции на нее традиционалистского большинства населения (что тоже является одной из «обыденностей» исторического процесса).

Так или иначе, на сегодняшний день у нас нет поводов быть историческими оптимистами, когда и если мы размышляем о модернизации России, включая те проекты, которые не столько осуществляются, сколько проговариваются нынешним руководством страны.

Существует еще одна концептуальная матрица, которая, по нашему мнению, может быть весьма полезной и продуктивной при анализе процесса (-ов) российской модернизации/демомодернизации и, шире, всего исторического развития Руси/России. Псевдоморфозе как определенному типу развития нами была посвящена специальная работа⁶. Здесь нет возможности, даже кратко и конспективно, повторять аргументацию и выводы этого исследования. Коснемся лишь одного из аспектов этой многослойной и недостаточно исследованной проблематики.

Что такое псевдоморфоза? Это привнесение инородного цивилизационного содержания на национальную почву, в толщу национальной культуры. Причем, не просто привнесение, а форсированное, волевое, порой насильственное его внедрение в эту почву. В сущности, это своеобразная форма конфликта универсального и автохтонного.

И если мы под этим углом зрения посмотрим на рассмотренную выше тему — природу и механизмы российских модернизаций/демомодернизаций, то нам придется констатировать, что вся совокупность этого рода процессов, в частности, модернизация Петра I и модернизация советская, представляли собой ограниченное, частичное,

⁵ Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности русского исторического процесса. М.: РОСПЭН, 1998. С. 56.

⁶ Королев С.А. Псевдоморфоза как тип развития: случай России // Философия и культура. 2009. № 6.

сдавленное автохтонными властными, технологическими формами «полуразвитие» западного типа. Западное, «фаустовское» содержание в российских/советских формах, «схваченное» и подавляемое им. И в этом отношении привнесенное содержание, набор чужих, если не чуждых, инородных исторических матриц и смыслов предполагает наличие противостоящей ему, этому содержанию, оболочки, формы. В историческом «коридоре» российской модернизации это выражается в симбиозе собственно модернизационного процесса и органически связанного с ним (и порождаемого им) воспроизводства антимодернизационных смыслов и феноменов.

2. Колонизация/деколонизация

Колонизация — один из определяющих процессов во всей российской истории. Можно вспомнить, что писали по этому поводу классики исторической науки Н.М. Карамзин, С.М. Соловьев, В.О. Ключевский, как трактовали эту проблему политические мыслители, от Радищева и Герцена до Плеханова и Ленина, а также историки, склонные к философским обобщениям, и философы, работающие с историческими материалами, например, М.К. Любавский или А.С. Ахиезер.

Процесс колонизации, с точки зрения того, как он «устроен», — это несколько иной механизм производства и воспроизводства антиподности, нежели модернизация. Здесь появление на выходе элементов, «единиц» антиподического характера не так очевидно, прежде всего, потому, что процессы колонизации и деколонизации чаще всего разнесены во времени. Тем не менее, даже если деколонизация отделена от колонизации десятилетиями и столетиями, это не означает, что она не является структурным компонентом глобального исторического процесса, феноменом, появление которого в значительной степени предопределено спецификой самого процесса российской колонизации.

Попытаемся систематизировать имеющийся исторический материал и хотя бы пунктиром очертить формы проявления феномена деколонизации.

Смещение исторического центра на северо-восток. Существует немало версий перемещения центра русского этноса из Киевской Руси на северо-восток, во Владимиро-Суздальскую Русь. Тем не менее, этот процесс до сих пор таит в себе немало загадок и дает поводы для самых

полярных позиций. Так, знаменитый историк В.О. Ключевский, человек, весьма прозорливо написавший, что колонизация есть «основной факт» русской истории и что «история России есть история страны, которая колонизируется»⁷, выделял, как известно, два вида колонизации: *колонизацию-расселение* и *колонизацию-переселение*. Славянское население распространялось по русской равнине, не расселяясь естественным путем, за счет прироста населения, а переселялось, «переносилось птичьими перелетами из края в край, покидая насиженные места и садясь на новые»⁸.

Ключевский безоговорочно называл исход населения из Приднепровья на северо-восток, в верховья Волги, колонизацией. «С XIII века до середины XV в. приблизительно, — полагал историк, — среди общего разброда и разрыва народности главная масса русского населения является на верхней Волге с ее притоками»⁹. В другом месте своего «Курса русской истории» Ключевский пишет о «распадении народности на две новые ветви, начавшемся приблизительно с XIII в., когда население центральной среднеднепровской полосы, служившее основой первоначальной русской народности, разошлось в противоположные стороны, когда обе разошедшиеся ветви потеряли свой связующий и обобщающий центр, каким был Киев, стали под действие новых и различных условий и перестали жить общей жизнью»¹⁰. Что касается области, куда была направлена миграция, то она была, по Ключевскому, «более инородческим, чем русским краем»¹¹.

С другой стороны, в ряде ремарок Ключевского, относящихся к рассматриваемому нами процессу, акцент сделан на XII веке: «Приблизительно до половины XII в., до Андрея Боголюбского, внимание изучающего (историю России. — С.К.) сосредоточивается на Киевской Руси, на ее князьях, на событиях, там происходивших. Но с половины или с конца XII в. внимание ваше довольно круто поворачивалось в другую сторону, на северо-восток, обращалось к Суздальской земле, к ее князьям, к явлениям, там происходившим»¹². И далее некто,

⁷ Ключевский В.О. Соч.: в 8-и т. Т. I. М.: Госполитиздат, 1956. С. 31.

⁸ Там же. С. 31.

⁹ Там же. С. 33.

¹⁰ Там же. С. 293.

¹¹ Там же. С. 293.

¹² Там же. С. 272.

для нас чрезвычайно важно: «Историческая сцена меняется как-то вдруг, неожиданно, без достаточной подготовки зрителя к такой перемене. Под первым впечатлением этой перемены мы не можем дать себе ясного отчета ни в том, куда девалась старая Киевская Русь, ни в том, откуда выросла Русь новая, верхневолжская»¹³.

По Ключевскому, главный вопрос этого периода русской истории — когда и каким образом масса русского населения передвинулась на новые земли. Историк предполагает, что это передвижение было следствием «расстройства общественного порядка, какой установился в Киевской Руси», а причины расстройства были довольно сложны и заключались как в самом укладе жизни Киевской Руси, так и во внешней обстановке. Он указывает на главные, по его мнению, из этих причин: порабощение низших классов и княжеские усобицы, которые в полном смысле слова разоряли страну. Наконец, Ключевский упоминает усилившиеся с последней трети XI в. половецкие набеги: после смерти сына Владимира Мономаха Мстислава (1132 г.) Русь оказалась не в состоянии сдерживать напор кочевников. Все это в совокупности, считал Ключевский, и привело к запустению Киевской Руси.

Версия С.М. Соловьева — несколько более провиденциалистская, не без метафизического оттенка. «История, — пишет он, — сначала всегда выбирает лучшие земли, и отсюда постепенность исторического движения в Европе с юга на север или с юго-запада на северо-восток. То же самое видим и у нас, на восточной равнине. История начинается здесь, на западе, на водном пути из Балтийского моря в Черное; начинается на северо-западе, но уже второй князь переселяется с севера на юг, в среднее Приднестровье, в лучшие страны, где и образуется собственная в древности Русь. Здесь в западной части равнины, по великому водному пути, остается главная историческая сцена при первых князьях и сто лет спустя по смерти Ярослава Великого. Но мы видели, что изначально славянам суждено было двигаться на северо-восток, в страны, более и более обделенные природою: какой-то сильный враг когда-то потеснил славян с Дуная и заставил часть их поселиться по рекам восточной равнины; но и тут, в лучших юго-западных частях этой равнины, они не могли долго оставаться в покое... Ни русские князья с их дружинами, ни русские городки не могли сдерживать

наплыва кочевников; города и села лежали пустые, обгорелые, пахарь не смел выехать на работу, полонецкие вежи наполнились русскими рабами, и походы князей в далекие степи на разгром хищников приносили только минутное облегчение»¹⁴.

Итак, историческая судьба — «славянам суждено было двигаться на северо-восток», плюс опять-таки давление кочевников.

Кстати, Л.Н. Гумилев, анализирувавший подобные взгляды (и их более поздние модификации) с позиции своей теории этнической пассионарности, назвал их «куманофобией» (куманы — одно из утвердившихся в исторической литературе названий половцев)¹⁵. Во всяком случае, его жесткая, чуждая инерции европоцентричности критика традиционных воззрений на взаимоотношения между Русью и Великой Степью во многих отношениях представляется весьма убедительной.

При этом Гумилев также считает, что «запустение» Киевской Руси произошло не вследствие нашествия Батгя (напомним, взятие Киева Батгем датируется 1240 г.). Он солидаризируется с мнением М.Н. Покровского и Б.Д. Грекова, которые полагали, что упадок Киевской Руси начался раньше, во второй половине XII в. или даже в XI в. когда торговый путь «из варяг в греки» утратил свое значение вследствие крестовых походов, открывших иной, более легкий путь к богатствам Востока¹⁶.

Нам же представляется наиболее вероятным, что в Киевской Руси произошло нечто подобное тому, к чему много позже, в 70-х годах XVI столетия, шло дело и в Московском государстве, и что власти удалось предотвратить ценой ужесточения технологий локализации и стремительного закрепощения населения в конце XVI — первой половине XVII вв.

Иными словами. Киевская Русь испытала упадок, а затем и пала, подвергшись процессу дезинтеграции в силу своеобразной технологической (властной) недостаточности. Давление власти увеличивалось, уровень насилия возрастал, а властная техноструктура была не в состоянии локализовать население и заставить его смириться с этим давлением.

Техноструктура призвана адаптировать население к существующему в данном обществе

¹³ Там же. С. 272 (выделено мной. — С.К.).

¹⁴ Соловьев С.М. Соч.: в 18 кн. Кн. VII. История России с древнейших времен. Тома 13-14. М.: Мысль, 1991. С. 21.

¹⁵ Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М.: Мысль, 1989. С. 489.

¹⁶ Там же. С. 509.

уровню насилия. В Киевской Руси насилие не было в достаточной мере подкреплено технологически. Баланс насилия и сопротивления (а бегство зависимых и кабальных людей от хозяев — не что иное, как форма сопротивления и была таковой на всем протяжении существования крепостничества в России), делающий возможным существование техноструктуры того типа, которая существовала в Киевской Руси, был нарушен; форма и характер сопротивления и его интенсивность делали насилие проблематичным, ибо исчезал, «ускользал» сам объект насилия.

Проблема могла быть решена либо снижением уровня насилия, либо ужесточением и повышением эффективности техноструктуры, либо, наконец, расширением географических пределов ее действия. Процитирую историка А.И. Яковлева, одного из самых известных представителей «школы Ключевского»: «Как ни энергично брались за дело порабощения господствующие классы киевского общества, задача оказалась им не по силам и создать “крепостную систему”, организованную через 500 лет Московским государством, им не удалось»¹⁷.

Но отток населения из Приднепровья означал деколонизацию, в той или иной степени. В этом смысле Батый, разоривший Киев, лишь поставил финальную точку в существовании уже двигавшейся к упадку социальной и государственной структуры. И такого рода естественный отток населения, принимающий масштабы *исторического процесса* и означающий для исторического субъекта бедствие, если не катастрофу, — это первая, и самая естественная, форма деколонизации.

Великое запустение Руси. Другой, и весьма глубокий, кризис российской власти и российской технологической (властной) структуры, выявивший скрытую, потенциальную динамику процесса колонизации/деколонизации и до известной степени проявивший ее, развивался на протяжении всей второй половины XVI века. Сначала это развитие протекало латентно, скрытно, а затем проявило себя в бурной полосе политических потрясений (от опричнины до Смутного времени). В 70-е годы XVI века, период *великого запустения Руси*, обнаружилось, что существующая технологическая структура не в состоянии обеспечить нормальное функционирование пространства власти, и прежде всего она не в состоя-

нии локализовать население. Сегодня трудно даже представить масштабы того запустения, которое надвинулось на Московскую Русь, и той *миграции-бегства*, которое происходило в Северо-Восточной России (а точнее, из Северо-Восточной России).

Этот кризис и его предпосылки интерпретировались по-разному. Некоторые причины лежат на поверхности: набег крымских татар Девлет-Гирея, разоривший Северо-Восточную Русь и сжегшего в 1571 г. Москву (по некоторым данным, погибло 800 тыс. человек и уведено в плен 150 тыс.), эпидемии («мор») 1550-1570-х годов (в 1552 году в одном только Новгороде умерло около 280 тыс. человек, через год в Пскове эпидемия унесла 25 тыс.; мор был в русских землях и в 1570-1571 годах)¹⁸. Наконец, множество жизней унес опричный террор. Но ведь и опричнина может рассматриваться не только как причина запустения земель Московского царства, но и как следствие неких более общих причин, приведших к этому запустению.

Это «разбегание» людей и запустение земли объяснить, возможно, ничуть не легче, чем загадочное запустение Киевской Руси. Вероятно, технологии власти, сформировавшиеся в российском пространстве власти и сформировавшие самое это пространство, оказались неадекватны этому пространству: последнее расширилось (завоевание Казанского и Астраханского ханств — наиболее очевидные признаки качественного расширения этого пространства). В силу этого расширения и общего снижения угрозы со стороны окружающих кочевых народов была открыта возможность колониального движения на восток и юго-восток. А технологии власти эволюционировали медленно или оставались прежними.

Таким образом, суть проблемы вовсе не в том, что техноструктура не распространилась *на вновь освоенное пространство*, к окраинам, породив сложности в управлении ими и неизбежные в этой ситуации сбои в функционировании «вертикали власти». Главное, что при изменении параметров пространства в целом прежняя техноструктура уже не могла контролировать население даже *в рамках традиционного государственного ядра*. Проблема была не в том, чтобы освоить технологически периферию государства, стратифицировать вновь завоеванные земли (хотя и эта проблема

¹⁷ См.: Яковлев А. Холопство и холопы в Московском государстве XVII в. Т. I. М.-Л., 1943. С. 22.

¹⁸ Покровский М.Н. Избр. произведения в 4-х кн. Кн. I. М., 1966. С. 320; Соловьев С.М. Соч.: в 18 кн. Кн. IV. М., 1989. С. 56.

существовала). Выживание государства зависело от способности создать новую техноструктуру, адекватную новому качеству пространства.

Учрежденная Иваном Грозным опричнина была почти символической фиксацией этого противоречия. М.Н. Покровский в свое время писал, что учреждение опричнины — это попытка «не то чтобы внести новое содержание в старые формы, а поставить новые формы *рядом* со старыми, не трогая старых учреждений...»¹⁹.

Однако сам путь форсированного создания новой техноструктуры («поставить рядом») оказался крайне неудачным, или же политические «составляющие» опричнины действовали разнонаправленно с властно-технологическими — так или иначе, опричнина оказалась экспериментом, возможно, и оправданным с точки зрения *власти*, но при этом вопиюще *антигосударственным*. Оказалось невозможным усилить и ужесточить техноструктуру, распатывая устои государственности («раздвоение» государства на земщину и опричнину) и реанимируя архаические государственно-политические практики (опричнина как *удел* государя).

Опричнина представляла собой, в сущности, попытку осуществить властно-технологическую модернизацию в рамках архаических государственных форм (удел), и в этом плане она была *технологической утопией*. Механическое, географическое разделение *опричнины*, имитирующей архаический образ удела и стимулирующей утверждение *новых* взаимоотношений царя и его *новой* социальной опоры, служивого класса, дворянства, и *земщины*, где сохранялся прежний статус боярства и в то же время не разрушались государственные формы, сложившиеся в России к середине XVI века, оказалось невозможным.

В конечном счете, процесс колонизации/деколонизации в XVI в., колонизации окраин и деколонизации центра Русского государства был пресечен стремительным ужесточением технологической власти, жесткой принудительной локализацией, т.е. введением крепостного права как главного и универсального инструмента власти. Процесс оказался чрезвычайно стремительным и занял всего лишь порядка семи десятилетий, причем часть из них была занята Смутой и никак не может рассматриваться как время отработки властных технологий и механизмов контроля.

Парадоксально, но стихийная народная колонизация, процесс, которым восхищались Радищев и Герцен, называя ее подвигом, имплицитно, *in potentia*, несла в себе зерна саморазрушения и самоотрицания, и, отражая стремление народа к воле, в конечном счете, привела его к закреплению. Закрепление — такой же естественный продукт русской колонизации, во всяком случае, одной из ее форм, народной, как крепостные мануфактуры — продукт петровской модернизации.

Деколонизация как следствие депортаций. Поскольку власть в Руси/России на протяжении столетий имела самодовлеющий, гипертрофированный характер и стояла над обществом, она могла себе позволить использовать в процессе колонизации предельно жесткие методы. А именно принудительное перемещение человеческих множеств из одного сегмента властного пространства в другой. По приказу из Москвы, позже из Санкт-Петербурга могли быть переселены «за Камень», за Урал, на сибирские просторы или куда-то еще целые деревни, а порой и города. Значительно позже подобного рода акции получили наименование депортаций.

В нашем отечестве власть занималась перемещением населения в пределах контролируемого ею пространства, по крайней мере, с времен Киевской Руси. Так, А.И.Яковлев отмечал, что многие географические названия, встречающиеся в летописях и актах XI–XIII вв., указывают на разбросанные почти повсеместно по Руси поселения иноплемеников, захваченных в плен во время походов и обращенных победителями в подневольное состояние принудительных колонистов²⁰.

Очевидно, несколько позже на Руси сложилась практика *вывода* людей из одного города в другой. Так, после захвата в 1489 г. Москвой Вятки, которая была колонией и форпостом Новгорода в бассейне Волги, земские люди из этого города были переселены в Боровск и в Кременец, купцы в Дмитров, остальные обращены в холопов.

Появилось даже особое понятие — *гостей ведомых*. Множество новгородцев вывели из города после его разгрома Иваном Грозным. Аналогичным образом поступили и с жителями Пскова. В 1555 г. свели в Казань опальных псковичей десять семейств, в 1569 г. царь взял из Новгорода 150 семей и из Пскова 500 семей; в 1572 г. поехало из Новгорода в Москву из земщины гостей веде-

¹⁹ Покровский М.Н. Избр. произведения: в 4-х кн. Кн. 1. М., 1966. С. 305.

²⁰ Яковлев А. Холопство и холопы в Московском государстве XVII в. Т. I. М.-Л., 1943. С. 301.

ных сорок семейств да из опричнины шестьдесят семейств²¹.

Еще один очень известный, едва ли не хрестоматийный пример: после убийства царевича Дмитрия в Угличе и розысков, предпринятых следственной комиссией Василия Шуйского, по словам одного из современников событий, «... иных казняху, иным языки резаху, иных по темницам разсылаху, множество же людей отведоша в Сибирь и поставиша град Пелым и ими насадиша и от того ж Углич запустел»²².

Но в ряде случаев еще более катастрофичные последствия, чем вывод десятков или сотен людей из покоренных населенных пунктов, было массовое бегство населения, попытка уцелеть в виду неизбежных и привычных жестокостей московской, царской власти.

Так, при взятии Вятки «атаманы» (Вятка управлялась, как и древний Новгород, вечем, во главе которого стояли избранные населением «атаманы») были в окопах приведены в Москву и там казнены, многие, как уже было сказано, депортированы, остальные похолоплены. Самые динамичные и вольнолюбивые элементы, покинув покоренный город, рассеялись по северу и востоку России. Большая часть этих бегущих от московской власти людей с женами и детьми на судах спустилась вниз по Вятке и Волге до Жигулей и укрылась в этом малодоступном и диком краю. Другие с Волги волоком перешли на притоки Дона, а потом расселилась по этой реке вплоть до Азова²³. В итоге какая-то часть вятичей не только влилась в состав Войска Донского, но и, очевидно, привнесла туда некие социокультурные константы, в частности, популярные в Новгородской земле вечевые идеалы²⁴.

Деградация городов. Тип колонизации в известной степени предопределяет структуру пространства власти. Те или иные территории колонизируются и при этом стратифицируются либо как часть пространства власти, замкнутого на центр, либо, если речь идет не о властной, а о вольной,

народной колонизации, как автономные социальные пространства (АСП). Но затем неизбежно наступает фаза конфликта, и власть преобразует, дестратифицирует пространство АСП. Кроме того, нередко перестратифицируется и модифицируется и само властное пространство, например, из военного приграничного пространства возникает банальное «цивильное» пространство.

М.К. Любавский подчеркивал, что многие села в зонах колонизации, на окраинах России, возникали как так называемые *отхожие* земли, земли *в отъезде*; потом эти земли становились выселками из городов. Украинные города были, таким образом, рассадниками сел и деревень, возникавших в их окрестностях²⁵. Сначала — города, потом, из городов и на месте городов, — села: спираль истории, развернутая в обратную сторону. Хотя, конечно, замечает Любавский, возникали деревни и независимо от города, поскольку служивые люди иногда прямо поселялись вне городской черты²⁶.

Происходит своего рода рутинизация колонизационного импульса. Волна колонизации накатывает, откатывает — а после этого колонизированный анклав развивается на собственной основе, иногда процветая, иногда деградируя. «Возникшие в XVII в. как военные крепости, многие *города южной окраины утрачивают* в конце XVII — первой половине XVIII вв. *городской облик*. Их укрепления разрушаются, торгово-ремесленная деятельность жителей сокращается, а кое-где замирает совсем. Царское правительство фактически поощряет этот процесс. Наделяя гарнизоны городов-крепостей (стрельцов, казаков, пушкарей, драгун, “черкас”) землей вместо денежного жалования, облагая горожан, как и сельских жителей, натуральным хлебным налогом — четвериковым хлебом, правительство фактически *заставляет* жителей городов-крепостей заниматься земледелием. Большинство городов превращается в типичные села, их население занимается сельским хозяйством»²⁷.

И в данном случае речь идет не о деколонизации как депопуляции, а о деколонизации как переструктурировании колонизованного пространства.

²¹ Соловьев С.М. Соч.: в 18 кн. Кн. IV. М.: Мысль, 1991. С. 39.

²² Костомаров Н.И. Исторические монографии и исследования: в 2-х кн. Кн. 1. М., 1989. С. 60.

²³ См.: Савельев Е.П. Древняя история казачества. М.: Вече, 2010. С. 206.

²⁴ Сватиков С.Г. Россия и Дон (1549-1917). Исследование по истории государственного и административного права и политических движений на Дону. Вена: Издание Донской Исторической Комиссии, 1924. С. 33, 36.

²⁵ Любавский М.К. Обзор истории Русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М.: изд-во МГУ, 1996. С. 300.

²⁶ Там же.

²⁷ История крестьянства России с древнейших времен до 1917 г. Т. 3. Крестьянство периода позднего феодализма (середины XVII в. — 1861 г.). М.: Наука, 1993. С. 135.

Но такого рода переструктурировании, которое означает деградацию и регресс.

Гулаговая колонизация. Колонизация территории, стратификация ее как предельно жестко организованного пространства власти («террористического пространства», если вспомнить определение В.А. Подороги²⁸), освоение ресурсов при помощи принудительного труда. Решение хозяйственных проблем не экономическими методами, а опираясь на административный, чаще — прямо карательный, ресурс власти.

После того, как субъект, который решал эти проблемы подобными методами, утрачивает возможность жесткого административного давления и использования принудительного труда (а в известной степени перестает и сам существовать как субъект), происходит откат колонизационной волны. Где-то колонизованные посредством гулаговых технологий территории просто деградируют, выпадают из освоенного пространства, деколонизация оказывается полной и абсолютной. Где-то они деградируют, но еще кое-как продолжают функционировать как субпространства власти и сегменты социального пространства, некие пятна социальности.

В контексте темы нашего исследования важно акцентировать внимание на том обстоятельстве, что гулаговая колонизация *в самой своей структуре* содержит предпосылки будущего краха, распада освоенного таким образом пространства и неизбежной, в той или иной мере, в том или ином масштабе, деколонизации.

Упадок и депопуляция российской деревни. Многократно отмечался факт сокращения числа деревень в России и отток населения из сельской местности в города. Сегодня в российской глубинке существует немало населенных пунктов, в которых осталось два-три жителя или два-три двора. Точечная, сегментарная депопуляция обширных территорий, прежде всего Центрального экономического района, характеризуемого весьма посредственными условиями для аграрного производства, стала фактом.

Между тем историки отмечают, что в XIX — начале XX вв. практически во всех земледельческих губерниях России плотность населения намного превосходила уровень, за которым следует говорить об аграрном перенаселении. Так, в 1913

г. плотность населения в Рязанской губернии составляла 66,2 чел./кв. км., в Курской — 70,1, в Полтавской — 76,1, в Подольской — 96,6 и т. д.²⁹. В этой ситуации колонизация, имевшая следствием отток избыточного населения из центра страны на окраины, не разрушала ни социальной, ни производственной структуры аграрных регионов и во многих случаях была, скорее, очевидным благом, нежели злом.

Этот тренд резко изменился с началом индустриализации конца 20-х — 30-х гг. Началась массовая миграция крестьянского населения в города, на строящиеся или реконструируемые промышленные предприятия, и на гигантские стройки, в том числе и в отдаленных, заново осваиваемых, колонизируемых районах страны. Все это означало стремительное истощение демографических ресурсов и социального потенциала советской деревни.

Естественный отток населения из старых аграрных районов, происходивший параллельно с освоением новых регионов, своеобразный процесс колонизации/деколонизации, был усугублен катастрофическими последствиями массовых репрессий против так называемого кулачества, голодом 30-х годов, разрушительной для деревни экономической политикой, чудовищными для демографической ситуации последствиями Великой Отечественной войны. Тем не менее, вполне очевидно, что именно начавшиеся в стране в 20-е — 30-е годы масштабные трансформации, предполагающие новые колонизационные волны и немислимые без них, стимулировали и своего рода контрпроцесс, процесс деколонизации. И выразился он прежде всего в уничтожении результатов той самой «внутренней колонизации», о значении которой писали все русские исторические мыслители начиная с С.М. Соловьева.

Распад СССР. Этот глобальный исторический катаклизм спровоцировал, как известно, массовый отток русского населения из бывших национальных республик, после 1991 г. — независимых государств.

Однако это более глобальный тренд, который выходит за рамки проблемы «русские (или русскоязычные) в новых независимых государствах». Ведь с конца 80-х — начала 90-х и до сего времени

²⁸ Бессознательное власти. Беседа с В.А. Подорогой // Бюрократия и общество / Отв. ред. С.А. Королев. М.: Философия, 1991. С. 55-61.

²⁹ Подробнее см.: Нефедов С.А. К дискуссии об уровне потребления в пореформенной и предреволюционной России // Российская история. 2011. № 1. С. 73-86. Заметим в скобках, что в вопросе об аграрном перенаселении России историки не единодушны. Существенно иная точка зрения на предмет изложена в работах Л.В. Милова и Б.Н. Миронова.

происходит отток русского населения практически из всех северокавказских республик Российской Федерации, весьма значительно снизилась доля русского населения в Якутии, Тыве, Мордовии и т.д. (разумеется, при оценке этой тенденции следует учитывать не только фактор миграции, но и уровень рождаемости).

Это можно назвать обратной миграцией. Но столь же очевидно, что это — процесс, имеющий вектор, противоположный основному вектору русской колонизации XVI–XX вв., и, следовательно, вполне вписывающийся в наше понимание деколонизации.

Депопуляция русского Севера. Русская колонизация Севера, Сибири, Дальнего Востока лишь в небольшой степени имела экономическую мотивацию, причины и подоплеку. Определяющими являлись факторы политические, военные, геополитические. Освоение, удержание и контроль территории были и средством, и целью, в известной степени, — самоцелью.

Это отчетливо видно, скажем, на примере БАМа и, шире, территорий, находящихся в зоне БАМа: проект не оправдал себя экономически (и вряд ли был на это рассчитан), трасса и вся сопутствующая ей инфраструктура пребывают в относительном запустении.

Поскольку колонизация Севера и Востока не имела прочного экономического основания, при изменении политических и геополитических реалий, ослаблении технологической (властной) структуры процесс мог развернуться в обратную сторону. Если быть совсем точным, — при наличии указанных неблагоприятных обстоятельств он не мог *не* развернуться в противоположную сторону. Что, в сущности, и произошло.

При потрясении государственного и хозяйственного механизма значительная часть населения, участвовавшая в освоении указанных территорий, сразу же оказалась излишней, не могущей быть занятой в каких-либо экономически рентабельных проектах или сферах деятельности.

Сегодня многие населенные пункты русского Севера — это конгломерат занятых людьми и брошенных, зияющих пустыми окнами домов, покинутых военных городков, пришедших в запустение аэродромов, заброшенных приисков и т.д.

Целью любых сколько-нибудь разумных управленцев в этой ситуации становится не воспрепятствование любой ценой оттоку населения из этих малонаселенных, отдаленных и часто неблагоприятных в климатическом отношении

регионов, не попытки любой ценой удержать, а стремление придать процессу оттока управляемый и контролируемый характер. Иными словами, сделать так, чтобы отток не превратился в беспорядочное бегство, форму деколонизации.

Это получалось лучше там, где организаторы процесса имели в своем распоряжении серьезные финансовые ресурсы и инструменты. Наиболее известны в этом отношении Норильск и Чукотка, где за проектами управляемой деколонизации стояли крупные олигархические структуры и фигуры. В других регионах произошел стихийный, неконтролируемый отток населения, с неясными и негарантированными перспективами для отъезжающих и порой почти полным запустением оставляемых ими районов/городов/поселков.

Причины двойственности. В чем фундаментальные причины подобной двойственности, парадоксальности, исторической двусмысленности колонизации, несомненно, одного из определивших облик исторической и современной России процессов? Как и петровская модернизация, колонизация России осуществлялась в отсутствие необходимых для решения этой задачи ресурсов и средств. В петровское время катастрофически не хватало свободного труда, который был необходим для «нормального» процесса модернизации. В итоге свободных, вольнонаемных рабочих заменили крепостные. В советское время, особенно после Великой Отечественной войны, нанесшей стране непоправимый демографический урон, это был недостаток человеческих и материальных ресурсов вообще. Мы уже не говорим здесь о недостатке капиталовложений, зигзагах экономической политики партии и того, что пришло на смену этой партии, и о прочих сугубо экономических аспектах проблемы.

Неудача едва ли не всех попыток осуществить масштабные изменения в России предопределена доминанцией логики властной над логикой экономической. Многие и многие масштабные проекты держались политической волей государства, административным произволом, основывались на почти безграничных мобилизационных возможностях государства и, нередко, на использовании принудительного труда. Почти все эти проекты были обречены в ситуации, когда исчезла возможность развиваться, опираясь на использование государственного принуждения и репрессий. И одним из первых следствий их краха была деколонизация, казалось бы, уже прочно и навсегда освоенных территорий.

Иными словами, непрерывный процесс противоборства народной и властной колонизаций, двух типов освоения российского пространства, в краткосрочной и среднесрочной перспективе заканчивается победой властной колонизации. А в перспективе долгосрочной — пусть и частичной, но весьма болезненной деколонизацией.

3. Глобализация: социокультурное измерение

Как представляется, и понимание глобализации, фундаментального, базисного процесса, во многом определившего лицо современного мира, нуждается в определенной коррекции. Сейчас в основном преобладает эконоцентричное понимание глобализации. В частности, оно нашло свое выражение в книге В.Г. Федотовой, В.А. Колпаков и Н.Н. Федотовой, вне всякого сомнения, работе фундаментальной и чрезвычайно значимой для понимания процессов глобализации, происходящих в современном мире³⁰.

Между тем, как мне представляется, понимание глобализации как процесса, протекающего исключительно в сфере экономики, не позволяет нам понять в полной мере не только некоторые фундаментальные тренды, определяющие развитие человечества в XX — начале XXI веков, но и вскрыть противоречия, возникающие между разными «глобализациями», различными сторонами, векторами и аспектами процесса.

Поясню свою мысль. В упомянутой мной фундаментальной работе констатируется, что период с 1914 по 1989 гг. был *периодом между двух глобализаций*³¹. Разумеется, первая мировая война и Октябрьская революция прервали процесс экономической интеграции мира («первой глобализации»). И период существования (или сосуществования) двух систем с известными основаниями может быть интерпретирован как пауза в процессе глобализации. Но это правомерно лишь в том, случае, если мы понимаем глобализацию как экономический по своей сути процесс, как расползание одномерного и универсального капитализма.

Если же говорить о других измерениях глобального развития — прежде всего, социокультур-

ном, но также, в известной мере, политическом и властном, то в этих социальных «срезах» глобализация продолжалась и в период «от первой мировой войны до конца перестройки», несмотря на радикальное несходство и, более того, противоположность двух экономических систем.

М. Фуко заметил в свое время, что отношения власти в Советском Союзе, во всяком случае, на микрофизическом уровне, ничем не отличались от отношений власти в странах, которые называют капиталистическими, и что советская власть использовала в своих целях все дисциплины существования (военную, школьную и т. д.), добавив как ним нечто новое — партийную дисциплину³². То есть что глобализация и универсализация технологий власти становятся фактом, несмотря на раскол мира на две социально-экономические системы и поверх него (хотя технологическая машина, созданная в советское время, весьма и весьма отличалась от западной системы технологий власти — и тем не менее).

С этим можно спорить, если для нас важна правомерность или неправомерность сближения двух типологических сегментов противоречивого и не единого мира, можно дискутировать о степени этого сходства. Но этот подход значительно сложнее поставить под сомнение, если мы говорим о методологии, об универсальности неких глобальных процессов.

И, наконец, *социокультурная глобализация*. Этот процесс, по моему глубокому убеждению, не прекращался в течение всего периода «холодной войны» и противостояния двух социально-экономических систем. В свое время я попытался показать, что, в частности, так называемый «период застоя» в СССР был периодом скрытой вестернизации, формирования потребительского сознания (причем, в отсутствие потребительского общества) и подготовки социокультурных и ментальных (если хотите, «идеологических») предпосылок для демонтажа социализма в годы перестройки³³.

Полагаю, в еще большей степени эта ситуация характерна для стран Восточной Европы 60-80-х годов. Там социокультурное давление с Запада, социокультурное проникновение, под-

³⁰ Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н. Глобальный капитализм: три великие трансформации. М.: Культурная революция, 2008.

³¹ Там же. С. 225 и далее.

³² См.: Кола Д. Фуко и Советский Союз // Мишель Фуко и Россия. Сб. статей. СПб-М.: Летний сад; Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2000. С. 227-228.

³³ См.: Королев С.А. От «Апостола» до «Архипелага»: социокультурные трансформации в России // Философия и культура. 2010. № 1.

спудная вестернизация и соответствующие социокультурные трансформации были еще более заметны. Например, если абстрагироваться от ряда существенных параметров и некоторых менее существенных деталей, типа фиктивной многопартийности, то можно сказать, что ГДР при Хонеккере — это СССР времен «застоя», плюс западногерманское телевидение. Аналогичным образом, если не принимать во внимание такой рудимент капитализма, как парадоксальным образом сохранившаяся после второй мировой войны частная собственность на землю в Польше, то эта страна — тот же СССР, но с костелом.

Социокультурная конвергенция в странах «советского блока» в 60–80-е годы — это процесс, который пошел гораздо дальше, чем аналогичная неявная эволюция в СССР, и стал в конце концов предпосылкой так называемых «бархатных революций». А точнее, тем фактором, который предопределил специфический ненасильственный, «бархатный» характер этих революций и затем относительно безболезненную (по сравнению с СССР и тем более с Югославией) трансформацию политических режимов и общества.

Асинхронность экономической и социокультурной глобализации означает, помимо всего прочего, параллельное существование обществ, построенных на сходных экономических основаниях, но принципиально различных с точки зрения социокультурной нормативности.

И наоборот. При чрезвычайно несхожих экономических фундаментах в государственно-ограниченных социумах протекают процессы, которые можно охарактеризовать как проявление социокультурной глобализации или, если вспомнить некогда популярное и изрядно подзабытое понятие, — конвергенции.

В этом смысле «период застоя» и, шире, заключительный отрезок советского периода истории России — это почти абсолютный антипод некоторых современных исламских обществ, например, Саудовской Аравии, обществ, в полной мере включенных в процесс экономической глобализации и при этом достаточно эффективно сдерживающих ее социокультурный вектор.

Саудовский вариант. Напомню, что Саудовская Аравия — это абсолютная монархия с предельно авторитарным режимом, конституцией страны объявлен Коран. Фактически запрещены все религии кроме государственной. Законом запрещены устные или письменные обсуждения существующего политического и религиозного

строения. Если говорить о политических правах, то они, в самом минимальном объеме, распространяются только на мужскую часть населения. В королевстве продолжают существовать абсолютно средневековые способы уголовного наказания вроде отрубания руки вору, отсечения головы и побивания камнями. Причем большинство казней проходят публично.

Это страна, где власть жестко контролирует повседневную жизнь людей, где нет общественных театров и кинотеатров, где до мелочей регламентированы одежда и поведение людей на улице. Саудовским женщинам запрещено выходить из собственного дома иначе как в сопровождении мужчины, половая связь с которым является запретной с точки зрения шариата. Согласно законам страны, лицам противоположного пола, не состоящим в браке или родстве, нельзя ехать в одной машине. В стране запрещено празднования дней рождения, а также все христианские и большинство мусульманских религиозных праздников. То же и с неформальными праздниками, например, Днем св. Валентина и сопутствующей ему символикой («разлагает религиозное сознание молодежи, чужд культуре исламского государства»)³⁴. Запрещен импорт широкой номенклатуры детских игрушек, в частности, кукол с женской фигурой, предметов с символикой других религий (типа распятий или статуэток Будды). Крайние исламские фундаменталисты пытались даже запретить все игрушки, изображающие живых существ. С 2002 г. запрещены сотовые телефоны с фото и видеокameraми — подобные аппараты продаются теперь только на «черном рынке»³⁵. В стране запрещен женский спорт. Наконец, здесь существуют сексуальные табу, не имеющие аналогов в современном мире (смертная казнь за гомосексуализм и прелюбодеяние).

В целом стратегию саудовских властей можно охарактеризовать как *целенаправленную консервацию социокультурной архаики*.

И это при том, что страна интегрирована в мировую экономику, еще с 50-х годов прошлого века является членом МВФ и МБРР, считается наиболее влиятельным членом ОПЕК, а с недавних пор, с 2005 г., входит во Всемирную торговую организацию. Саудовская Аравия является одним из ведущих игроков на рынке нефти, имеет возможность в значительной степени определять уровень

³⁴ Саудовская Аравия: жизнь женщин и другие табу в ведущей державе мусульманского мира // <http://civs.ru/blog/society/143.html>.

³⁵ Там же.

мировых цен на углеводороды и, соответственно, влиять на политическую ситуацию в мире. Иногда это влияние оказывается чрезвычайно сильным, как было, например, после 1973 г., когда саудовские власти приняли решение о прекращении экспорта нефти и фактически спровоцировала энергетический кризис на Западе.

В первое десятилетие XXI в. в Саудовской Аравии были предприняты сверхординарные усилия для создания либерального открытого рынка, развития частного предпринимательства и притока иностранных инвестиций. Иностранцы получили возможность приобретать в полную собственность строящиеся объекты и недвижимость. В стране было разрешено функционирование фирм со стопроцентным иностранным участием. Налоги на прибыль инвесторов были значительно снижены — и это при том, что иностранные компании имеют право на стопроцентную репатриацию прибыли. В королевстве не существует никаких ограничений на использование иностранной валюты. Саудовская Аравия входит в число тех немногих стран мира, которые освобождают компании от уплаты налогов до тех пор, пока они не начнут получать прибыль. Наконец, был принят новый закон о недвижимости, который позволяет иностранным гражданам владеть недвижимым имуществом в любой части страны, за исключением двух священных городов, Мекки и Медины³⁶.

Саудовская Аравия осуществляет экономическую экспансию в собственном регионе, проявляет экономическую и инвестиционную активность во многих странах арабского мира, в Европе, но прежде всего в США. Страна интенсивно заимствует достижения мирового технологического прогресса. Сообщается, например, что до 2030 г. она намерена построить шестнадцать ядерных реакторов. На повестке дня расширение и модернизация газового сектора (по некоторым оценкам, транснациональные нефтяные компании могут вложить в добычу природного газа в Саудовской Аравии более \$100 млрд. в течение ближайших 20 лет).

Иными словами, феодальная социальная система, фундаментом которой является законсервированная в духе первоначального ислама социальная архаика, интегрирована с миром современного капитализма и на всех парах движется по пути глобализации.

Естественно, в условиях глобализации социокультурные универсалии в том или ином виде пробиваются через охранительные заслоны, введенные властью. Возникают соответствующие социокультурные конфликты, хотя содержание этих конфликтов может показаться уникальным, почти неправдоподобным для начала XXI века.

Так, по сообщениям западных СМИ, активное женское меньшинство занимается спортом нелегально, «в подполье». Возникают подпольные женские команды по футболу, волейболу, баскетболу и другим видам спорта, тайно проводятся соревнованиями между ними.

Летом 2011 г. в социальной сети Facebook стартовала кампания под названием «Я сяду за руль 17 июня». Речь идет о борьбе саудовских женщин за право водить автомобиль. Официально женщинам водить машину не запрещено. Однако передвигаться по дорогам страны можно только, имея права местного образца, которые женщинам не выдаются. Власти ссылаются на фетву (решение, авторитетных мусульманских ученых-законоведов), вынесенную в 1991 г. на основании интерпретации текста Корана и фактически запретившую пребывание женщин за рулем. Однако все это не более чем мелкие трещинки в монолите социокультурной архаики.

Изоляция как alter ego глобализации.

Две эти модельные ситуации, каждая из которых является в известной мере инверсией другой, — «застой» в СССР и современное Саудовское королевство — можно интерпретировать в различных терминах. Например, в относительно привычной парадигме расхождения и противостояния цивилизационного и формационного. Исламская цивилизация, плюс полукапиталистическая, полуфеодальная формация (используем классический термин Маркса), с одной стороны. И социалистическая общественно-экономическая формация, в тех формах, в каких ей суждено было явить себя миру и истории, — и чуждое ей цивилизационное, культурное содержание, просачивающееся через и сквозь каркас фундаментальных отношений власти и собственности, с другой.

Но поскольку мы говорим о динамическом процессе, а не о точечной фиксации определенной типовой, модельной ситуации, то, в контексте наших размышлений, думается, имеем право зафиксировать прежде всего *асинхронность экономической и социокультурной глобализации*. Ибо глобализация, по большому историческому счету, есть именно стирание цивилизационных, формационных и национальных различий.

³⁶ Саудовская Аравия в системе международного движения капитала // http://catalog.fmb.ru/saudi_arabia6.shtml

Поэтому будет правомерно констатировать, что и ушедший в Лету СССР, и восточноевропейские страны, принадлежавшие до конца 80-х к «советскому блоку», и современная Саудовская Аравия в полной, хотя, вероятно, не в равной мере демонстрируют асинхронность, противоречивость и многовекторность современной глобализации. Конечно, есть множество примеров «правильной» глобализации, когда она более или менее синхронно охватывает различные сегменты социума. Но для исследователя это не столь интересно. Тем более что, как уже было сказано, для России практическое значение имеет изучение несколько иной, не вполне нормативной, модели развертывания глобальных процессов.

Асинхронность естественным образом связанных и, казалось бы, взаимообусловленных фундаментальных исторических процессов, разбалансированность, разнонаправленность векторов таит в себе серьезные социальные риски. В СССР потребительское сознание было заимствовано в период «застоя» вне практик капиталистического производства и вне контекста соответствующей политической культуры. Равным образом, у граждан не было опыта бытия в условиях рыночной экономики.

Эманации заимствованного потребительского сознания, частичная, точечная вестернизация ментальности советских граждан на первых порах ускорили падение социалистической системы. Прежде всего, в силу того, что она уже не могла удовлетворять возросшим, и не всегда реалистичным, запросам граждан. Но впоследствии, в постсоветский период, отсутствие производственных практик адекватных развитой рыночной экономике усложнило становление и развитие постсоветской России. В странах же Восточной Европы, где продолжавшаяся в эпоху «народных демократий» вестернизация сознания коррелировала с определенным опытом межвоенного капиталистического развития и соответствующими жизненными практиками, переход к рыночной экономике и политической демократии прошел значительно менее болезненно.

И, конечно, на развитии страны в постсоветский период сказались отсутствие гражданского общества в СССР, где его ростки были подавлены тоталитарным, а затем посттоталитарным государством. Некие универсалии, которые являются противовесом рыночному капитализму, во-первых, и постоянному стремлению власти к самовозрастанию и экспансии, во-вторых,

некие системы сдерживания, опирающиеся на самодеятельность и самоорганизацию граждан, также не были созданы в Советском Союзе. Начиная с реальных, не являющихся приложением государства профсоюзов и кончая местным самоуправлением.

Современное общество взыскует свободного индивида, систему стимулов и конкуренции. Если этого нет, система перенастраивается, и эта перенастройка самым негативным образом сказывается на эффективности экономики и состоянии социальной сферы.

В странах типа Саудовской Аравии свободу и конкуренцию компенсирует нефтяная рента. В этой ситуации экономике не столь уж обязательно быть эффективной. Экономическая эффективность, квалифицированный работник, человеческий капитал перестают быть источником и условием благосостояния общества. Социальная и культурная архаика не являются препятствием для поддержания высокого уровня жизни.

И то же, хотя и в меньшей степени, в СССР/России. Где, во-первых, на протяжении нескольких десятилетий существовала возможность развиваться экстенсивно, за счет человеческих ресурсов и мобилизационной модели. И где, во-вторых, «нефтяная игла» также является фактором, определяющим благополучие нации.

В то же время в современной России мы наблюдаем асинхронность иного рода, чем в королевстве саудитов или «застойном» СССР. Экономическое измерение глобализации, втягивание России в систему мирохозяйственных связей не подкрепляются восприятием универсальных политических ценностей и моделей. Демократия, которая установилась в России в последние 10-12 лет, является, по сути, имитационной. Что касается социокультурной составляющей, то, если на рубежный 1991 г. она предполагала разрыв, раскол между советским и общечеловеческим, то ныне она раздваивается между новым почвенничеством и вестернизацией.

Парадокс ситуации еще и в том, что, в отличие от Саудовского королевства, в нынешней России доминируют в основном западные, потребительские социокультурные эталоны, те самые, которые как массовые стандарты начали формироваться еще в период застоя, а как стандарты части элиты — по крайней мере, с конца 40-х гг. XX в. (почитайте хотя бы мемуары джазмена Алексея Козлова).

Соответственно, создание автохтонной, противостоящей вестернизации социокультурной

платформы — это пока еще только задача той части правящей элиты, которая стремится вырвать Россию из процесса глобализации и если не изолировать, то обособить ее в глобализующемся мире. Сделав при этом ставку на российскую цивилизационную особость, каркасом которой является, как нас убеждают, православие. Более того, во власти есть и определенные силы, которые мечтают об автаркии и создании «крепости Россия»³⁷.

Налицо попытка части правящей элиты как бы отступить назад и сформировать (или возродить) некие автохтонные (или псевдоавтохтонные, имитационные) социокультурные сущности: «суверенную демократию» (или «национальную модель демократии») и православную мораль, которые стали бы альтернативой либеральной демократии западного типа и универсальным общечеловеческим ценностям. Собственно, разворачивающаяся на наших глазах экспансия Русской православной церкви в светское пространство и есть главная составляющая процесса создания и реализации этой социокультурной парадигмы.

Все это не представляло бы серьезной опасности, если бы асинхронность процесса глобализации не создавала и неких объективных предпосылок изоляции России. Между тем, опасность оказаться изолированной (относительно изолированной) в глобализирующемся мире существует объективно, независимо от идеологического напряжения тех или иных сил, пытающихся эту изоляцию стимулировать, порой даже спровоцировать.

Россия вошла в процесс глобализации прежде всего как поставщик углеводородов, нефти и газа. Подобного рода экономический и политический субъект может выступать во множестве ролей и ипостасей, от грозного имперского государственного целого, диктующего условия соседям, до полуколониального сырьевого придатка.

Реальной угрозой при этих условиях является фиксация «отстающей», догоняющей компоненты процесса на некой далекой от ее завершения стадии. Окостенение, исчерпание импульса, иссякание динамики, консервация политического/властного статус-кво, вырождение динамики в статику.

³⁷ Самая известная программная заявка такого рода: Юрьев М. Крепость Россия. Концепция для президента // Новая газета, 15.03.2004; Юрьев М. Внутренний враг и национальная идея // Комс. правда, 06.11.2004 г. Подробнее об этом см.: Королев С.А. «Национальная идея» как инструмент электорального воздействия: управляемая демократия в поисках идеологической опоры // Режим Путина: идеи и практика. М., 2005. С. 169-175.

Проблема включения России в процесс глобализации, в сущности, — та же самая, что с модернизацией и колонизацией. Процесс этот, как и два вышеназванных, разворачивается не в нейтральной среде, а в сформированном определенном рода технологиями пространстве власти.

Экономическая глобализация — в интересах этой власти, она способствует ее самосохранению, воспроизводству, увеличивает ее финансово-экономический ресурс и ресурс составляющих ее в каждый конкретный момент фигурантов, предоставляет ей возможности маневра и лавирования в ситуациях нарастания социального напряжения.

Включение в тренд политической и властной глобализации, напротив, может воспрепятствовать выживанию этой власти, поставить под сомнение ее гегемонию в российском мегасоциуме.

Поэтому власть противостоит некоторым тенденциям, присущим процессу глобализации, используя те или иные властные технологии. То есть ведет себя ровно так же, как верхушка Саудитского королевства, противостоящая культурным новациям, не укладывающимся в каноны ислама (как их понимают в этой стране).

Иными словами, российская власть обеспечивает непрерывность тока нефти по пресловутой «трубе» и одновременно замедляет ток «импульсов свободы» по капиллярам социума.

Поэтому лаг между «сторонами» процесса глобализации не уменьшается, а увеличивается, дисбалансы, асинхронность усугубляются. Социокультурная архаика, эта универсальная опора неуверенной в себе и своих перспективах власти, консервируется и, более того, целенаправленно создается.

Наконец, объективно существующий дисбаланс и реальный «когнитивный диссонанс» между сознанием своей (своей страны) экономической значимости и своего политического если не изгойства, то второсортности, порождает массовый антиамериканизм (прежде всего) и «антиевропеизм» населения. То есть утверждение и воспроизводство тех социокультурных матриц, которые способствуют политическому изоляционизму.

Между тем, глобализация происходит в той же самой расколоте в социокультурном отношении стране, что и модернизация. Олицетворением этого раскола в последнее время стали новый средний/креативный класс и условные «рабочие «Уралвагонзавода»».

В конечном счете подобная глобализация не объединяет страну с миром, не включает ее в этот

мир, а раскалывает ее. Как, впрочем, и многие модернизации начиная с петровских времен. Причем трещина идет по той же самой линии разлома, воспроизводя ее вновь и вновь. Приверженцы русской «суверенности» в любых формах, сторонники не просто культуры, но православной культуры — и приверженцы универсальных западных ценностей. Симптомы этого раскола нарастают. Недавнее «дело Pussy Riot» — лишь один из многих симптомов социокультурного раскола на совершенно новом витке российской истории.

Впрочем, из анализа самого разворачивающегося на наших глазах процесса пока, как нам кажется, нельзя сделать вывод о том, что мы имеем дело с неким двуединым, симбиотическим процессом глобализации/изоляции. Но, учитывая опыт других «больших» процессов, которые в России имеют тенденцию обращаться в собственную противоположность, такой сценарий развития событий никак нельзя считать невозможным.

Очевидно, что сегодня определяющий тренд развития российского общества — тот же, что в период брежневского застоя: повышение благосостояния населения, разрастание его потребительских амбиций и урезание политических и гражданских свобод.

Сегодня, однако, существуют очень большие сомнения в том, что это урезание, эти очевидные элементы встроены в вялотекущий модернизационный процесс демодернизации — органическая и неизбежная составляющая модернизационного (или квазимодернизационного) процесса. И если у академика Л.В. Милова были определенные основания утверждать, что в петровскую эпоху форсированное создание крупного производства, приведшее к возникновению еще более жестоких форм эксплуатации, чем самые «варварские» формы феодальной зависимости, было проявлением некой объективной необходимости, то в современном мире разного рода «ужесточения» едва ли имеют историческое оправдание. Опыт XX века, опыт многих стран мира, от Западной Германии до Южной Кореи, доказал, что существуют возможности модернизации, опирающиеся на демократические институты и не на урезание, а на расширение свободы, и на усиление, укрепление, а не ограничение гражданского общества. И аналогичные возможности сбалансированной, не деформированной действиями стремящейся к самосохранению власти глобализации.

Последнее — я имею в виду *урезание* и *ограничение* — несомненно, имеет место в современном российском обществе первого десятилетия XXI века. Исследуя эту проблему, трудно не обратить внимания на то, что те технологические (властные) трансформации и аберрации, которые имели место в так называемые «нулевые», — это не что иное, как ревитализация, возрождение в несколько обновленном виде дисциплинарных технологий и практик, возникавших в Европе с конца XVIII века. Той самой дисциплины, которая была описана Мишелем Фуко в классической работе «Надзирать и наказывать». То есть, по сути, реанимация тех технологических структур и практик властвования, время которых давно и безвозвратно прошло³⁸.

Существует в современной России и еще один фактор, работающий против модернизации. Модернизация, что там ни говори, — это процесс ломки, перестройки, трансформации, перехода. Это в миниатюре и в иных, разумеется, куда меньших, масштабах — аналог ломки рубежа 80-х — 90-х. Осуществление подобной трансформации — неизбежно болезненно и предполагает, во всяком случае, определенную готовность населения или значительной части этого населения к появлению новых вызовов, проблем и к известному самоограничению. Однако после потрясений 1991-1993 гг., после болезненных 90-х, перспективу трудностей нового переходного периода население в массе своей, как мне представляется, принять не готово. Как не готово оно поступиться какой-то частью с таким трудом обретенных, хотя и весьма скромных по европейским меркам, потребительских стандартов. Весьма негативная реакция массового сознания на вступление России в ВТО, акт, *предполагающий* модернизацию российской экономики и, в отсутствие этой модернизации, потенциально могущий привести к ее деградации и разрушению, лишнее тому подтверждение.

Если мы будем понимать модернизацию и глобализацию так, как было описано выше, то для нас станет очевидным, что нынешняя российская власть имеет возможность провести определенного рода модернизацию, прежде всего технологическую, скорее всего, частичную, не модернизируя и, более того, архаизируя целые сегменты социальности. И при этом для нее,

³⁸ Подробнее см.: Королев С.А. Соблазн дисциплины // Индекс/Досье на цензуру. — 29/2008; Королев С.А. Дисциплинарные технологии в современной России // Индекс/Досье на цензуру. — 30/2009.

власти, вполне реально встроиться в процесс глобализации, но не всесторонней, относительно сбалансированной, а фрагментарной, идущей по нескольким относительно автономным коридорам, векторам и направлениям. Прежде всего, по вектору технологическому, вектору экономическому и, отчасти, социокультурному — но не политическому и правовому. Такой сценарий вполне реалистичен, особенно если учесть, что его оказалась в состоянии реализовать даже архаическая, полуфеодалная Саудовская Аравия. Иными словами, будущее, которое нас ждет, — это

с очень большой вероятностью экономическая глобализация, движение к потребительскому обществу — и некий «суверенный авторитаризм» в политической сфере.

К сожалению, перспективы иного рода включения в мировое глобальное развитие, как и перспективы модернизационного процесса иного типа, чем фиксировался ранее в российской истории, перспективы, связанной с неким компромиссом, установлением некоего баланса интересов между властью и гражданским обществом, в современной России пока не просматривается.

Список литературы:

1. Ахиезер А.С. Специфика российской истории // Ахиезер А.С. Труды. М.: Новый хронограф, 2006.
2. Бессознательное власти м. Беседа с В.А. Подорогой // Бюрократия и общество / Отв. ред. С.А. Королев. М.: Филос. общество СССР, 1991.
3. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М.: Мысль, 1989.
4. Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. 1 // Ключевский В.О. Сочинения в 8-и тт. М.: Госполитиздат, 1956-1959.
5. Королев С.А. Бесконечное пространство. Гео- и социографические образы власти в России. М.: Институт философии РАН, 1997.
6. Любавский М.К. Обзор истории Русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М.: изд-во МГУ, 1996.
7. Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: РОСПЭН, 1998.
8. Мишель Фуко и Россия. Сб. статей. СПб-М.: Летний сад; Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2000.
9. Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н. Глобальный капитализм: три великие трансформации. М.: Культурная революция, 2008.

References (transliteration):

1. Akhiezer A.S. Spetsifika rossiyskoy istorii // Akhiezer A.S. Trudy. M.: Novyy khronograf, 2006.
2. Bessoznatel'noe vlasti m. Beseda s V.A.Podorogoy // Byurokratiya i obshchestvo / Otв. red. S.A. Korolev. M.: Filos. obshchestvo SSSR, 1991.
3. Gumilev L.N. Drevnyaya Rus' i Velikaya step'. M.: Mysl', 1989.
4. Klyuchevskiy V.O. Kurs russkoy istorii. Ch. 1 // Klyuchevskiy V.O. Sochineniya v 8-i tt. M.: Gospolitizdat, 1956-1959.
5. Korolev S.A. Beskonechnoe prostranstvo. Geo- i sotsiograficheskie obrazy vlasti v Rossii. M.: Institut filosofii RAN, 1997.
6. Lyubavskiy M.K. Obzor istorii Russkoy kolonizatsii s drevneyshikh vremen i do XX veka. M.: izd-vo MGU, 1996.
7. Milov L.V. Velikorusskiy pakhar' i osobennosti rossiyskogo istoricheskogo protsessa. M.: ROSPEN, 1998.
8. Mishel' Fuko i Rossiya. Sb. statey. SPb-M.: Letniy sad; Izdatel'stvo Evropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2000.
9. Fedotova V.G., Kolpakov V.A., Fedotova N.N. Global'nyy kapitalizm: tri velikie transformatsii. M.: Kul'turnaya revolyutsiya, 2008.